

25 ИЮЛ 1968

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
С. МОСКВА

Говорят делегаты фестиваля

«КАЛИНУШКА»

Александра Стрельченко, популярная эстрадная певица, исполнительница русских народных песен, беседовала со мной в перерывах между репетициями.

— Скажите, Шура, в чем вы видите смысл своей работы?

— Трудно объяснить это так вот, сразу... Просто в определенном возрасте поняла, что не могу не петь для людей. Я ведь детдомовская, с Днепропетровщины. Помню, как привели меня, беспризорную девчонку, в приемник детдома. Вот там, в этом приемнике, вдруг прорвалось: запела озорные деревенские частушки, те, что мать пела, — мол, знай наших! Мама у нас первой запева-ло- на деревне была.

Ребятишки собрались, просят петь еще и еще. Все позабыла я тут, встала, подбоченилась, как мама бывало: «Веселись, душа, Александра в пляс пошла!». И пошло, пошло...

Исполнила весь «репертуар» мамы моей. Потом еще песни, что от солдат слышала: «На позицию девушка провожала бой-

ца». Ну, словом, все, что знала. Вот так меня там и признали. Стала запева-ло-й в детдомовском хоре.

Что значит для меня петь? Это значит делиться тем радостным и горьким, чему научила меня жизнь.

Меня всегда тянуло к детям. Это с войны осталось, наверное. Работала воспитательницей в детском саду. Ребятишки ко мне: «Спойте, тетя Шур, спойте». И «тетя Шура» пела им. А было «тете Шуре» тогда восемнадцать лет.

Про себя решила: стану учительницей — это главное. А где-то очень глубоко затаила мечту о песне.

Встречала своих, детдомовских. Они мне: «Шура, тебе в артистки идти надо. У тебя же талант!»

— Какой там талант, — говорю, — так, одна самодеятельность.

Словом, много было сомнений и колебаний. И вот наконец не выдержала.

Приехал в Ленинград, где я училась в педагогическом, Воронежский хор. Пришла в антракте за кулисы. Поблагодарила за песни, сказала, что пела у

себя в детдоме, но в способностях своих сомневаюсь.

— Ну, покажи свое искусство, — говорит гармонист и улыбается.

Никак не могла начать. Так вдруг стало страшно, просто не могу. Все-таки спела. Через несколько дней узнала: принята певицей в хор. Сама себе не верила.

— Что потом? Гастрольные поездки по стране: Литва, Украина, Российская Федерация; особенно тепло приняли меня шахтеры Кузбасса.

Вот тогда и поняла: это и есть мое главное, настоящее.

И еще упорнее стала работать над собой, над голосом, сценическим воплощением песни.

Ведь подлинно народное выражается не в са- рафане и кокошниках (это все внешнее), а в личном отношении к песне, в раскрытии твоей души, твоего характера.

— Вы бывали во многих странах. Расскажите о стране, наиболее вам запомнившейся.

— Правда, мне много пришлось поездить: Исландия, Дания, Франция,

Швеция, Австрия, Канада, Таиланд, Цейлон, Лаос, Япония.

Из пестроты и хаоса зарубежных впечатлений почему-то наиболее отчетливо вспоминаю о Японии. Там очень популярны русские песни. Особенно довоенные: «Полюшко-поле», «Катюша», «Уральская рябинушка» и, конечно, «Подмосковные вечера».

— И, наконец, последний вопрос, Шура. Что вы везете на фестиваль?

— В Монреале, на Всемирной выставке «ЭКСПО-67» я начинала с лирической «Ивушки», потом пела «Коробейников» и завершала веселой, динамичной «Калинушкой». Зал аплодировал в такт песне. Я радовалась. Радовалась, что смогла донести до множества разных людей свою любовь к России.

Мне нравятся и протяжная, грустная «Ивушка», и песни широкие, зеленые, как, например, «Широко ты, Волга, разливалась». В них я голосом передаю настроение от ярко стоящей перед глазами живой картины природы. Но если по- честному, то задорная, зажигательная «Калинушка» мне еще ближе. В ней

есть особый, веселый и радостный ритм кипучей работы. Когда дело горит в руках. Когда душа поет и гуляет. В ней проявляется живой, творческий дух русского мастерового человека. Вот эти песни я и буду исполнять в Софии.

В. ЗЛАТОГОРОВ.